

ПРОБЛЕМА ОБЩЕГО ИНТЕЛЛЕКТА: ГЕТЕРАРХИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СЛОЖНОСТЬ

В статье исследуется проблема структуры общего интеллекта, теория которого развивается в интеллектуальном движении (пост)операизма. Общий интеллект анализируется в качестве свойства структуры социальных связей (соединений), названной здесь гетерархией. В качестве структуры связей гетерархия формирует различные виды сингулярностей: агрегаты (совокупности), производимые статистическими повторениями отношений, и индивидуальные эго, полагающие значения через постановку целей и другую интеллектуальную деятельность. Основным аргумент статьи заключается в том, что, хотя в некоторой степени общий интеллект может обозначать способность к самоорганизации общества, его трудно отождествить только с одной конкретной институциональной организацией или политическим режимом. Общий интеллект появляется в любом виде социального структурирования посредством процессов самоорганизации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: общий интеллект, гетерархия, сложность, сингулярность, агрегат, множество.

Введение

Проблема, которая обсуждается здесь, заключается в том, как множественность, будучи гетерогенной, тем не менее организует и воспроизводит себя в вариативном порядке. Исследование этой проблемы связано с гетеродоксальной интеллектуальной традицией Спинозы и Лейбница. Ее современная интерпретация представлена в работах Г. Тарда и Ж. Делёза, предложивших базовые понятия для исследования множественных отношений. Наследие Тарда представлено концепцией «социальной монадологии» и автоматической причинно-следственной связью событий. В работах Делёза широко используются понятия множественности, сингулярности, виртуальности и машинной организации.

В последние десятилетия центральным пунктом многих дискуссий стало сближение общественных отношений и их машинной организации. В частности, обсуждение данного вопроса представлено в (пост)операистском движении в рамках теории общего интеллекта (см. ниже). Понятие общего интеллекта было предложено К. Марксом во время его наблюдений за автоматизированной организацией труда: процесс труда на самом деле представляет собой своего рода социальную «машину». Вот как пишет об этом А. Негри: «Когда мы говорим “общий интеллект”, мы говорим о продуктивных условиях постмодернистской эпохи, в которой интеллектуальные и аффективные производительные силы стали господствующими и первичным звеном валоризации (повышения стоимости) мира. Общий интеллект — это машинная производительная сила, состоящая из множества телесных сингулярностей, формирующих топос общего события

общего интеллекта. С поколением общего интеллекта мы вступаем в эпоху человека-машины» [17, 205–206].

Поскольку коммуникация имеет множественный характер, творческая продуктивность общего интеллекта должна преодолеть ограничения капитала и предоставить обществу политическую и экономическую свободу [1, 13]. Однако есть и другая точка зрения, которая предполагает, что общий интеллект как социально-коммуникативная способность, или своего рода «социальный мозг», при помощи IT-технологий присваивается новым «обществом контроля». Современное развитие медиа делает человеческие отношения более доступными для наблюдения и контроля, что повышает эффективность системы присвоения и эксплуатации этих отношений [19, 1–20; 24, 13–36]. Непрерывное сканирование человеческого общения позволяет капиталу опосредовать распространение информации и ее трансформацию в знание. Благодаря этому капитал приобретает возможность манипулировать «экономикой внимания» в целях «когнитивного капитализма» [20, 22; 22].

Важно уточнить, что общий интеллект — это не только способность общества анализировать, ставить цели и производить, но и виртуальное тело, или машина, топологически сложенная социальными связями, порожденными «множеством телесных сингулярностей». Это виртуальное тело — «социальный мозг» [23, 266–374], и здесь нас интересует не только его неявная творческая способность, но и особая форма структуры, посредством которой он организован. Для описания данной структуры теория общего интеллекта предлагает понятие множества, которое является комбинированной формой социальной организации, политического действия и когнитивных возможностей, возникающей в ходе сотрудничества [16, 17]. Речь идет о структуре связей как абстрактной форме для всех видов самоорганизационных отношений, составляющих общество. Это не социальный прототип или некая «концентрация» социального смысла в стиле Дюркгейма, но принцип объединения сингулярностей в сетях и иерархиях. Для того чтобы приобрести общий интеллект, множество должно иметь структуру связи, которая организует разнонаправленные намерения продуктивной деятельности человека вокруг определенных типов порядка. Без этого свободное становление интеллектуального труда на самом деле не нуждается в интеллекте, общем или особенном. И наоборот, само по себе подчинение и использование когнитивных способностей множества силами капитала не требует общего интеллекта. Вот почему, обладая представлением о структуре общего интеллекта и зная его возможности, мы можем понять, как он работает и какие его особенности могут быть использованы для целей освобождения или порабощения человека.

Исходная метафора общего интеллекта была основана на сравнении машинной организации труда со знанием человеческого разума, материально производимого мозгом. Мы можем расширить ее и использовать понятие «гетерархии». Последнее возникло в ранних теориях искусственных нейронных сетей для определения как структуры связи, так и принципа формирования значений. Автор первой теоретической модели искусственной нейронной сети У. Маккаллох связывал гетерархию значений с понятием целого, разные части которого связывают воедино каждое

единичное целое и способствуют его изменениям [14, 89–93]. Он связал гетерархию с топологией пересекающихся нейронных сетей: некоторые замкнутые цепи пересекаются с дополнительной цепью (называемой «диаллелью»), кроссовером, или связью, которая действует как сеть, случайно соединяющая замкнутые цепи (иерархии). Это делает логический закон транзитивности — перенос свойств одного объекта на другой без каких-либо изменений — более неприемлемым.

В нашем исследовании гетерархия — это множество иерархий, связанных сетями, образующих совокупности акторов и отношений. Эта структура неоднородна, что означает, что акторы и отношения экстериорны друг к другу. Важно то, что граница между «внутренним» и «внешним» является конвенциональной. Отношение может оказаться внутренним или внешним для объекта в зависимости от аспекта исследования или типа взаимодействия. Для такого свойства гетерархических отношений я использую понятие «экстериорности», применяемое М. Деланда к анализу множественности и социальной сложности [9, 8]. Экстериорные отношения могут быть как «внутренними», так и «внешними», индивид может казаться как уникальной личностью со своим собственным путем существования, так и множественным объектом, статистически составленным из различных видов данных. По мнению Деланда (также и Б. Латура), экстериорные отношения формируют объекты посредством сборки — децентрализованного процесса связывания отношений, а гетерархия — это форма структуры, которую принимают перекрестные связи.

Экстериорные отношения не имеют постоянного значения, а акторы — это сингулярности, которые не могут быть реифицированы в отношении принадлежности к какой-либо стабильной социальной группе или классу, поскольку они одновременно принадлежат к различным видам групп. Гетерархия (следует помнить о том, что теория общего интеллекта многим обязана Спинозе) сочетает в себе свойства *cogito* и *conatus*'a («желание жить», или «упорство в бытии»). Это «упорство» — воспроизводство отношений с поощрением или подавлением их деятельности. Слияние *cogito* и *conatus* подразумевает не только социальную среду для интеллекта или мозга, но и то, что внутренняя организационная форма гетерархической структуры предполагает подвижность, изменчивость и инерцию процессов. Гетерархия снимает противоречия между *res cogitans* и *res extensa*. В результате на макроуровне организации гетерархия образует совокупности, производимые статистическими повторениями отношений, которые выступают условиями для микроуровня, где индивидуальные эго полагают ценности через постановку своих целей и прочую интеллектуальную деятельность. Аналогично взаимодействия на микроуровне автоматически формируют взаимодействия на макроуровне. Поэтому одни и те же объекты социальных отношений — сингулярности — представляют собой статистические совокупности на макроуровне и индивидуальные эго, преследующие цели, на микроуровне.

Мой аргумент заключается в том, что гетерархия является структурой общего интеллекта и как таковая может прояснить его состав, его общие свойства и его способность быть интеллектом. Без этого общий интеллект остается не более чем красивой метафорой. Кроме того, с помощью концепции гетерархии я покажу,

что, хотя общий интеллект может обозначить способность общества к самоорганизации в качестве совокупности, трудно идентифицировать его только с одной конкретной институциональной организацией или политическим режимом. Общий интеллект появляется в любом виде социального структурирования посредством процессов самоорганизации.

Гетерархия и множество: структура связей как процесс

Прежде всего необходимо проанализировать онтологию множества в виде ландшафта социального познания и организации и выяснить, как многообразные отношения могут онтологически формировать социальные порядки. Негри пишет: «Множество — это имя имманентности. Множество — это целое сингулярностей. Множество не может быть понято или объяснено в договорных понятиях... в самом общем смысле множество является рассеянным представлением, потому что это несоизмеримая множественность. Народ всегда представлен как единство, в то время как множество не представимо... в отличие от понятия народа, понятие множества — это сингулярное множество, конкретное универсальное. Народ составлял социальное тело; множество — нет, потому что множество — это плоть жизни... множество людей — это активный социальный агент, многообразие действий. В отличие от народа множество — это не единство, но в отличие от массы и плебса мы можем видеть его как что-то организованное. По сути, это активный агент самоорганизации» [16].

Итак, мы имеем здесь проспект онтологии социальной множественности, которая обладает способностью к самоорганизации. Не случайно Негри нападает на понятие народа, вместилище суверенитета, так как в последнем предугадывается господство (политического) целого, единства над множественностью. Негри предлагает суждение о множестве как множественном порядке и множественной структуре, где части и целое онтологически эквивалентны. Такого рода организация не имеет ни центра, ни точной границы (онтологического «апартеида» между более и менее реальными образованиями), ни цели. Негри предлагает делезианское понимание множественности. Онтологически, как отмечают Делёз и Гваттари, части и целое одинаковы, так как части могут образовывать много разных целых одних и тех же отношений [2, 42–50]. В данном случае они имеют в виду не вульгарную относительность повседневной жизни, но другую интерпретацию зависимости целого и частей. Целое не является прогрессией или суммой частей, оно существует совместно с частями и не может быть адекватно рассмотрено отдельно от них.

Что мы имеем здесь, так это динамическую структуру, которая всегда находится в процессе становления. Эта структура реляционна, так как множество сингулярно, находясь в связи между одним и многими. Тем не менее остается вопрос: как может возникнуть социальный порядок? Негри утверждает: «Постмодернистское множество — это ансамбль сингулярностей, живым инструментом которых является мозг, производительная сила которого состоит в сотрудничестве. Другими словами, если сингулярности, которые составляют множество, множественны, то способ, каким они вступают в отношения, является кооперативным. Как

множественность и сотрудничество сингулярностей могут выражать правление общего в той мере, в какой они формируют определяющую силу мира? Вместе с телеологией общего... онтологическая трансформация освобождает нас от суверенитета» [18, 225–226].

Динамическая социальная структура обусловлена «телеологией общего», где общее — это название сотрудничества. Именно здесь возникает первое противоречие. Негри пишет, что общее («живой труд») является сингулярным, по-разному затрагивающим каждого члена множества [Там же, 182]. Как ни странно, это означает, что общее, как и сотрудничество, не принадлежит множеству, поэтому общее просто является не общим, а экстериорным, то есть не только общим, но и разделенным. Общность общего является формальной и дает разным акторам разные плоды труда. Таким образом, общим трудно объединить множественность, навязав телеологию общего сотрудничества. Если мы хотим иметь динамичную, сингулярную структуру отношений, которая всегда находится в движении самоорганизации без командного центра, то нам нужно предположить, что порядок (как конституция целого) рекурсивен и исходит извне. Это буквально означает, что порядок исходит от других людей как отдельных индивидов и групп (сингулярностей), которые являются множественными и не могут быть полностью подчинены какой-либо цели, включая цель общего сотрудничества. Последнее — это множественный процесс, организованный с разных сторон, что делает телеологию невозможной.

Гетерархия представляет собой интерпретацию структуры как множественного порядка, созданного извне, без объединения «общим» в виде трансцендентного основания или трансцендентального условия структуры. Гетерархия содержит целое и части как имманентные множественные сущности, которые приобретают разные значения в зависимости от контекста и рекурсивно объединяют различные части и целое, которые сосуществуют вместе. Ни части не имеют исключительной предрасположенности к созданию целого, ни целое не является трансцендентным основанием, исключительной целью или смыслом для организованных частей, поскольку они появляются одновременно. Инаковость, или экстериорность, здесь чрезвычайно важна, поскольку недостаточно сказать, что гетерархия — это просто множественная структура. В таком случае это могла бы быть полиархия или сеть, и не было бы нужды изобретать новую концепцию. Гетерархия отражает тот факт, что отношения и их смыслы не только множественны, но и единичны, т. е. имеют бесконечный ряд воплощений. Это означает, что одно и то же отношение определенной группы или индивида может содержать много разных значений и таким образом связывать этих людей с другой группой, организуя процесс автоматической причинно-следственной связи. Статистическое множество возникает на относительной активности индивидов. И по мере того как оно возникает, процесс структуризации идет извне для любой части и целого отношений, которые образуют разнообразные смыслы и агентности, связанные без интенции «общего».

Запрет транзитивности, который был предложен Маккаллохом, — это условие, которое объясняет, как экстериорные целое и части могут избежать порочного круга телеологии общего сотрудничества. Это означает, что ни одно конкретное

отношение или значение не может считаться универсальным. Любая композиция отношений оказывается локальной, а множественность отношений — топологической. Другими словами, как указывает Деланда, микро-отношения всегда присутствуют на макро-уровнях, которые актуализируют их свойства, а макро-масштаб образуется из последовательностей и распределения микро-уровней [10, 19–21]. Для отношения эта среда является пространственно внешней и необратимой во времени, так что при любом логическом шаге вперед или назад от одного утверждения к другому их позиции или значения также меняются [11]. Поэтому последовательности отношений формируют социальное время, а их распределение между сингулярностями составляет социальное пространство. Гетерархия как виртуальная структура организует связи сингулярностей. Чем больше значимы отношения, чем чаще и плотнее налажены связи, тем быстрее социальное время, тем сложнее социальное пространство, и наоборот. Это неудивительно, если вспомнить, что нейронные связи в мозге структурируются таким же образом: чем больше активность повторяется (и соответствующие сигналы), тем более плотные нейронные связи формируются.

Негри напоминает нам, что «если мы хотим придать общему имени направление стрелы времени, сделав его необратимым, не теряя его сингулярности, то необходимо, чтобы общее имя было понято как акт или праксис темпоральности. Мы находимся здесь в согласии со Спинозой, где бытие представляет вещь и идею в виде формы (которые желание [conatus] производит совместно)» [18, 160].

Гетерархические отношения реализуются в реальном времени и подразумевают процесс как их определяющий аспект. Такое предположение приводит нас к парадоксу структуры, которая появляется как процесс. Хотя понятие структуры обычно связано со стабильностью и жесткостью порядка, здесь мы имеем порядок, возникающий через перекрывающиеся отношения, и различные последовательности отношений порождают различные порядки, структурированные по одному и тому же гетерархическому принципу. В свою очередь, если запрет транзитивности приводит к возникновению процессуальной структуры, то эта структура не что иное, как воплощенный опыт — история становления объекта и зависимость от пройденного им пути. Это утверждение можно даже усилить, сказав, что опыт необратимого времени является абсолютным требованием для структурирования отношений во множественной среде.

Как вообще возможно, чтобы части были одинаково значимы по сравнению с целым и порядок исходил бы из процесса, а не интенции или идеи? Ответ на этот вопрос дал Г. Тард, который описал модель множественных социальных отношений без первоначальной интенции, то есть без рациональной цели, которая может быть навязана отдельным лицам или группам. Тард называл этот процесс имитацией, порождающей субъективности через подобию и различия частичных и общих признаков: индивидуумы отражают особенности своих групп так же, как группы организуются из индивидуальных признаков, а не в виде субъектов, представляющих социальное целое [4, 37–43].

Рассуждая абстрактно, эти сингулярные объекты, организованные отношениями без интенции, можно назвать фракталами. Опустив математическое

определение фракталов, скажем, что социальная фрактальность является полным или частичным подобием отношений, и вряд ли кто-то стал бы отрицать наличие у социальности такого свойства. Фрактальность отражает вышеупомянутые свойства рекурсивности целого и частей, зависимость значения отношения от его взаимодействия и создание различных порядков или структур через процесс. Будучи фракталами, они создаются мимезисом целых и частей в ходе операции различия и повторения. Иными словами, источник социального разнообразия является одновременно и источником его порядка. Социальные отношения не только единичны, они также типичны и различаются паттернами организации, координируясь самим процессом отношений в виде ассоциаций в необратимом времени. Организация общества представляет собой воспроизводство и изменение собираемых локальностей, а виртуальная гетерархическая структура является порядком временной последовательности топологического распределения общественных отношений.

Будучи сингулярностями, акторы гетерархии существуют в непрерывном движении от актуальных микро-ситуаций к ситуациям, предоставляемым общими условиями макро-масштаба. Как указывалось выше, сингулярности не могут быть реифицированы с точки зрения принадлежности к какой-либо стабильной социальной группе или классу, но они также не могут быть реифицированы в качестве индивидов, вооруженных здравым смыслом, рациональным эгоизмом и т. д. Это форма сотрудничества и совместного производства «целого сингулярностей, сетей, которые составляют целое и целого, которое состоит из сетей и т. д.» [16]. Следуя Негри, а также Деланда, можно сказать, что сингулярность — это не только единичное тело, но и совокупность тел [10, 185–186]. Индивидуальные сингулярности, создавая сетевые отношения, сразу же образуют агрегаты (совокупности) — общие сингулярности, которые появляются в качестве целых и относительно индивидов обладают иерархическими свойствами. Агрегаты общих сингулярностей не равны отдельным или их сумме, но равнозначны им, собирая сети сингулярностей в конкретные иерархии для демонстрации определенных свойств и выполнения определенных функций. Опять же мы должны помнить, что все виды сингулярностей всегда находятся в движении между иерархией и сетью, общим и частным.

Поскольку индивиды и группы, как утверждает Негри, становятся сингулярностями, то есть реляционными объектами, они не могут быть исчерпывающе идентифицированы с конкретным атрибутом, рациональностью, профессией, этнической принадлежностью и т. д. Идентификация становится процессуальной, а воспроизводство новых атрибутов означает их рекурсивность в сетях сингулярностей. Перекрывание сетей отношений порождает рекурсивные иерархии, которые возникают из множественных ассоциаций сингулярностей. Множественность, следовательно, является источником иерархии, но также и сети. Множественные сети сопровождают иерархии, а рекурсивные иерархии — сети. Агрегаты сингулярностей воспроизводят их фрактальной симуляцией единства в виде подобия различий. Такое качество, свойственное сингулярностям, обычно может наблюдаться в небольших группах, где группа подчиняет своих членов. Как показывает Деланда в своей теории социальной сложности, в макро-масштабе мы

можем видеть свойства уникальных индивидов, взятых в виде статистических совокупностей и распределенных во времени и пространстве, которые оказываются коллективами, направленными на цели, о которых индивиды и не подозревают. Но, будучи статистическими сборками, общие сингулярности остаются индивидуальными с их собственным путем во времени и месте в пространстве отношений [9, 16–18]. Любой коллектив, будь то группа, сообщество, нация, которые обнаруживают свои идентификации *post factum*, являются примерами этого процесса. Поэтому можно сказать, что создание какой-либо сингулярной сети предопределяется иерархией агрегата в качестве целого и, наоборот, иерархия предопределяется сетью. Благодаря сетям связи остаются множественными, но локализованными благодаря наложению иерархий.

Тем не менее социальная практика производства субъективностей и отношений состоит в том, что бытие производится каждым, то есть каждой сингулярностью, а не только специальными иерархиями [16]. Сети сингулярностей, а не иерархии тождеств оказываются инструментом развития упорядоченных систем. В силу сингулярной природы социальности деятельность распространяется по мобильным сетям, что делает невозможным подчинение гетерархии (как структуры социальных связей) конкретному институциональному порядку. В связи с этим социальные отношения представляют собой сетевые иерархии, гетерархическая организация которых автоматически возникает из деятельности сингулярностей. Ее реляционная сборка метастабильна, поэтому позиции сингулярностей в структуре связей, формы их субъективности и формы их деятельности взаимозависимы. Их связи выстраиваются через топологическое распределение и временную необратимость связей.

Трансформация множества и общего интеллекта

Форма структуры связей, которую мы предложили выше, должна помочь нам выяснить, может ли метафизика «общего» сотрудничества, описанная в (пост)операционизме, сформировать общий интеллект множества, который послужит средством освобождения от оков капитализма. Для этого мы должны проанализировать, как организация множества и общего интеллекта может определять социальные порядки, учитывая описанные выше свойства гетерархии. Множество — главный концепт теории общего интеллекта, поскольку является единственной видимой, материальной частью познавательных способностей общества. Оно означает децентрализованную организацию отношений, представляющую собой процесс объединения, который формирует социальные группы из набора индивидов. Члены множества становятся сингулярностями, структурно расположенными между частными лицами и общей коллективностью общества. Хотя в позднелатинском языке *multitudo* обозначало массу или толпу, Спиноза (в прочтении А. Матерона и Э. Балибара) в своем незавершенном «Политическом трактате» приписывает *multitudo* значение общества как такового, в качестве социального объединения до установления определенного политического порядка. Таким образом, первоначальное состояние общества как множества, как утверждают Матерон и Балибар,

является (прямой) демократией. Рой политически действующих и вступающих в переговоры людей обладает *conatus*, что отражается в их стремлении к установлению политического порядка, который создается автоматически по инерции согласия. В отличие от теории общественного договора здесь организация множества происходит путем принятия решений отдельными акторами в микромасштабе, что автоматически устанавливает политический порядок в виде агрегата (совкупности). Договорные отношения на макро-уровне появляются после этого, а не раньше [6, 69–71; 13, 207–219].

С тех пор как понятие «множество» стало пропагандироваться Негри, оно столкнулось с различными критическими замечаниями. П. Машерей и Э. Лакло обнаружили, что гетерогенная природа множества должна быть главным препятствием его политического использования. Для них трактовка множества как политического тела подразумевает наличие субъективности в виде общей воли к определенной цели, которая превращает общество в единое целое. Для того чтобы действовать в качестве политического тела и принимать решения, требуются единство и ведущая гегемонистская сила, которая должна образоваться на исходном социальном многообразии. Это означает чудесную трансформацию сингулярностей в тот момент, когда принимается политическое решение, в политических активистов, объединенных по крайней мере общими ценностями революции или чем-то еще [17, 166; 12, 153]. Будучи единым, как добавляют П. Вирно и Э. Балибар, множество становится двойственным, так как молчаливое согласие приходит по крайней мере не реже, чем спонтанное восстание. Поскольку у множества людей отсутствуют «внутренние политические критерии», они могут направлять социальную солидарность в равной степени как на мирные, так и на агрессивные действия [7, 3–38]. С. Жижек, А. Бадью без околичностей выносят вердикт, что множество является политической силой господства, отражающее децентрализованную организацию капитала [5, 125; 3, 261–267]. Другими словами, множество легко становится источником деспотизма капитала, так же как демократия может стать источником охлократии. Подобное превращение онтологического присутствия в политическое действие ошеломляет, так как именно это подавляющее единство и было призвано преодолеть понятие множества. Таким образом, данный способ интерпретации множества как (демократического основания) общества заключается в его реификации, или подмене гетерогенной множественности конкретным институциональным порядком (анархизм или тоталитаризм).

Негри, отвечая на эту критику, следует другому способу интерпретации множества, настаивая, что оно является сетью любых акторов, связей, ценностей и т. д. В этом случае множество становится своего рода ризомой [16]. Интерпретация общества как множества означает, что существует много различных основ и форм социальности, объединенных только фактом их отношения к какому-либо объекту. Смыслы этих отношений могут быть разными для их участников, и этого достаточно, чтобы рассматривать их как часть социального целого. Любой человек считается частью множества и вносит свой вклад в «первичное звено валоризации (повышения стоимости) мира» благодаря интеллектуальной деятельности.

Сингулярное множество постоянно реорганизуется между индивидуальными и общими сингулярностями, известными в качестве социальных групп и обществ (состоящими из людей и организаций). Поток становления сингулярностей делает множество необратимым континуумом отношений. Необратимость множественных отношений преодолевает любые институциональные ограничения. Она в равной степени устанавливает и разрушает связи индивидуальных и общих сингулярностей. Для Негри это надежда на эмансипацию, но опять же онтологическое присутствие не может в равной мере превратиться в политический порядок. Другими словами, необратимость множества не нацелена на конкретную сингулярность, капиталистическую или коммунистическую.

Если множество — это множество, то оно должно устанавливать всевозможные отношения и типы акторов, которые одновременно конкурируют и сотрудничают друг с другом [21]. Множество не служит никому, будучи источником любого рода порядка. Освобождение от одного порядка означает подчинение другому: это онтологическая множественность общества. Поэтому, как отмечает Ю. Такер, множество в виде сети предполагает разнообразные топологии связей, которые не могут быть сгруппированы в иерархическую структуру, но имплицитно должны быть разными. Однако, продолжает Такер, онтология сети не в состоянии решить проблему объединения различных социальных порядков, потому что сеть (как способ организации) не формализует свойства различных топологий, которые она содержит. Следовательно, сеть пренебрегает временным аспектом проблемы и не показывает порядок последовательности или распределения отношений. Это затрудняет определение объектов и отношений применительно к конкретным ситуациям. Напротив, она определяет себя в зависимости от топологий (видов отношений, порядков, типов акторов и т. д.), к которым она относится.

То, что объединяет множество людей без унификации, — это общий интеллект, социальное общение, которое порождает субъективности и знания. Создание знания требует другого способа организации и другого типа актора, нежели сингулярности и агрегаты. Другой тип актора — это эго, которое ставит цели и производит знания, а другой способ организации — иерархия. Как указывалось ранее, иерархия возникает через рекурсивность отношений в перекрывающихся сетях сингулярностей. Каждое из социальных условий перекрывается с другими, превращая множество отдельных качеств и свойств в сообщество сингулярностей. Кроме того, иерархия является не только средством внешней организации, но и способом внутреннего воспроизводства сингулярностей. Рекурсия отношений делает возможным их временное и конечное манипулирование с точки зрения общей цели. Иерархия сводит множественность к симулированию единства через совпадение причин и целей отношений, а точкой совпадения является сама иерархия. Поэтому через задержку и управление временем она интериоризирует отношения и свойства сингулярностей, а сингулярности с помощью иерархии опосредуют процессы, собирают связи и синтезируют значения (смыслы), т. е. становятся эго, преследующими цели, и тем самым отличаются от агрегатов.

Как уже было сказано выше, хотя индивидуальные сингулярности автоматически образуют множество в виде агрегата (общей сингулярности) со свойствами

целого, довольно трудно вменить ему общие значения или волю или любые другие характеристики эго. Агрегация присуща всем сингулярностям, и само эго является лишь одним из видов сингулярностей, в то время как действия других (через детерминизм или аутопоэзис) должны быть приняты как данность. Если агрегация относится к *conatus* — стремлению к ассоциации, то эго относится к *cogito* — рациональной цели и конечной композиции идентификаций. Таким образом, экстериорно иерархизированный агрегат основан на статистическом повторении и автоматическом действии, а интериорно иерархизированное эго — на знаниях и смыслах (значениях, идентификациях). Различные виды индивидуальных сингулярностей демонстрируют различные уровни эго. Люди являются основными носителями и конечными «телесными» агрегатами, которые проявляются в виде эго. Следующий тип — организации, состоящие из скоплений лиц, объединенных иерархией воспроизводимых отношений (институтов). Множество (сообщество) является наиболее общим агрегатом, который приобретает свойства эго случайным образом, так как его границы расплывчаты, а иерархия отношений экстериорна.

Мы можем видеть, что агрегат и эго дополняют друг друга, а последнее представляет собой развитие первого, хотя и остается внешним ему. Власть эго более успешна, когда поддерживается флуктуациями агрегатов. Эго и любые иерархические институты ограничены своими конечными целями и способностью к волеизъявлению, которые на макроуровне (в виде статистических объединений) делают их похожими на агрегаты, приводимые в действие повторением отношений. Именно поэтому необратимое движение агрегатов способно преодолеть силу эго. Процесс, в котором эго и агрегат соответствуют друг другу, является «живым трудом», общением, то есть множественным и сингулярным и поэтому в любом конкретном случае способным преодолеть эксплуатацию конкретным способом отношений [18, 225–235].

Как социальная когнитивная способность, общий интеллект исходит от живого труда, или общего, производимого множеством в виде информации и знаний. Здесь мы видим, что анализ общественных отношений оставляет позади жесткие институциональные структуры, определенные способы производства и средства их оценки. «Живой» означает изменчивость труда, отсутствие строгих средств оценки, то есть таких, которые могут быть реифицированы в модели дискретных материальных объектов или институтов. Если информация и знания не могут быть полностью ограничены, значит, они не поддаются полному манипулированию посредством присвоения им определенных качеств. Они перемещаются, оставаясь в одном месте; и тот, кто делится ими, их не теряет. Эти свойства информации и знаний давно известны, но наша задача — понять отношения, которые создают и упорядочивают информацию и знания, в качестве общих, в целостный общий интеллект.

Хотя общее не может быть реифицировано, тем не менее оно каким-то образом структурировано. Информация и знания различаются тем, что они образуют различные объекты. Информация в виде набора данных представляет собой агрегацию, или агрегатное состояние, знаний. Таким образом, информация не имеет качественных свойств, только количественные. Информация становится

знанием, когда она становится частью эго, то есть актора с определенными целями и действиями. Поэтому все зависит от актора, будут ли данные распознаны в качестве знаний. Не будет преувеличением сказать, что знание определяет способность актора обладать спектром целей и последовательностью действий и, следовательно, субъективирует актора. Таким образом актор, будучи агрегатом свойств и качеств, превращается в эго, обладающее своей целью. Конечно, мы можем продолжить эту мысль, сказав, что каждое эго является частью более общих агрегатов, и некоторые из них (такие как группы и организации) также обладают некоторыми свойствами эго.

В зависимости от окружения и конфигурации связей индивидуальная сингулярность по-разному преобразует информацию в знание, а также по-разному может использовать ее. Информация естественным образом циркулирует внутри сообществ. Благодаря организационной иерархии сообщество приобретает лучшие когнитивные способности, реализованные в деятельности по постановке целей. Это способствует сокрытию информации и росту знаний. Институционально воспроизводящееся сообщество, действующее как своего рода эго, может в качестве посредника использовать «структурные дыры» в социальном целом, чтобы извлечь выгоду и власть [8, 30–37]. В свою очередь, власть, особенно власть капитала, умножается посредством управления агрегатами социальных связей. В этом отношении интерес представляют два аспекта работы агрегатов. С одной стороны, возможность их использования силами эго означает, что тотальное преодоление неравенства никогда не наступит. С другой стороны, отсутствие тотального контроля эго над агрегатами означает неизбежное преодоление любого тоталитаризма, который всегда остается временным и частичным. Это означает, что «создание множества», а также его эксплуатация — бесконечный процесс, который никогда не заканчивается. Общий интеллект предоставляет возможности всем участникам социальных отношений и может быть использован в равной степени как для освобождения, так и для гегемонии.

Проблема существования общего интеллекта, о чем было сказано выше, содержит вопрос о возможности его использования для эксплуатации и поддержания контроля над обществом. Как уже отмечали Версцеллоне и Паскиелли, развитие ИТ влечет за собой рост контроля в интересах власти и капитала [19, 1–20; 23, 13–36]. Любое техническое новшество, облегчающее агрегирование отношений в виде данных, рано или поздно увеличивает контроль над множеством. Это происходит, даже если первоначальная идея инноваций была совершенно обратной. Сам Интернет является одним из лучших примеров такой ситуации. Появившись в качестве либертарианского сообщества, теперь он предоставляет множество возможностей для слежки. Возможно, лучшим примером является технология блокчейн, которая отслеживает все движения транзакций в Интернете. Используя это нововведение, люди могут контролировать свои деньги и имущество и доверять друг другу, что означает, что финансовые посредники становятся не нужны. Означает ли это, что банки скоро исчезнут и появится либертарианский коммунизм? Технология предоставляет возможности для всех акторов процесса. Ее будут использовать не только частные лица и малые предприятия,

но и крупные корпорации с помощью блокчейна будут пытаться контролировать все транзакции, совмещая свою техническую и финансовую мощь. Ограниченное число суперкомпаний, выступающих в виде нескольких эго, будут конкурировать со множеством других сингулярностей, и результат для обеих сторон непредсказуем. Поскольку власть и капитал являются экстериторно организованными иерархиями сетей, агрегирование этих сетей сингулярностей работает не только на их преодоление, но и на их воспроизведение.

Тем не менее последний тезис об экстерриториальности власти и капитала может прояснить пределы, которых может достигнуть эксплуатация общего интеллекта. Экстериторность власти означает, что она исходит не только из харизмы или особых интенций, но и из согласия послушных тел. Конечно, наблюдение и слежка дают много возможностей для контроля и манипулирования жизнью, знаниями и человеческим общением, но это не означает, что у сил эксплуатации есть программа для нашей жизни и общения. Такие тоталитарные проекты уже были испытаны в новейшей истории и оказались утопическими. Капитализм живуч именно вследствие отсутствия специальной идеологии, за исключением простой идеи «купить подешевле, продать подороже». Он обслуживает любую социальную организацию, которая принимает хоть какую-то частную жизнь и одновременно использует ее. Если сама жизнь и человеческая коммуникация стали источниками накопления капитала и формой институционализированной власти, то множественность и экстерриториальность их организации ограничивают авторитаризм власти и эгоизм капитала. Тотальное подчинение гетерархической структуры социальных связей невозможно, что делает невозможным тотальное подчинение общего интеллекта, который меняется в процессе отношений сингулярностей. Как и гетерархия, общий интеллект виртуален, а может ли виртуальная сущность быть эксплуатируемой как силами господства, так и силами освобождения? Как и гетерархия, общий интеллект преодолевает любой иерархический порядок с навязанными целями, будь то освобождение или эксплуатация.

В качестве структуры связей гетерархия раскрывает свойства, которые делают возможности эксплуатации общего интеллекта, а также его использование для преодоления капитализма (или любого другого социального порядка) очень ограниченными. Общий интеллект появляется в виде эмерджентных отношений, создаваемых связями сингулярностей, и поэтому сочетает в себе атрибуты *cogito* и *conatus*. Полное подчинение общего интеллекта отдельным эгоистичным целям невозможно, поскольку он является агрегатом социального целого, ретроактивно влияя на все сингулярности множества. Из-за необратимости времени и топологической конфигурации связей любая конкретная сингулярность, агрегат или эго с его политическими или экономическими целями, всегда будет зависеть от ее расположения в структуре связей. Гетерархия и общий интеллект способствуют возникновению агрегатов и формированию эго, но не более того. Они не служат конкретному социальному порядку, поскольку производят все порядки одновременно.

Как мозг не подозревает об эго, общий интеллект, созданный социальной гетерархией, не знает когнитивного или какого-либо капитализма. Из-за различий

агрегатов и эго общий интеллект не эгоцентричен, поэтому его нельзя подчинить, хотя можно частично управлять его самоорганизацией. Даже если общий интеллект будет превращен в сборку информационных машин, как это описывал Паскинетли [20], такой экзегезы будет недостаточно. Информационные машины организованы вокруг определенных функций и не имеют эго, то есть не являются видом, который самостоятельно принимает решение (преобразует информацию в знание) в процессе необратимого времени. Если нет общего эго — нет общего интеллекта, преследующего конкретные цели, только общий интеллект в виде самоорганизации агрегатов сингулярностей.

Модель гетерархии предлагает разнообразные возможности и накладывает ограничения на трактовку социальных отношений и, следовательно, проливает свет на то, в какой степени феномен общего интеллекта может быть воплощен в виртуальной структуре социальных связей и в конкретной институциональной организации. В данном случае важно помнить, что введение У. Маккаллохом понятия гетерархии было напрямую связано с его теоретической моделью искусственной нейронной сети, в которой запрещен закон транзитивности. Данное ограничение здесь оказывается полезным, поскольку оно запрещает масштабирование какого-либо свойства без изменения объектов или отношений. Поэтому гетерархическая структура неизбежно подразумевает множественность и сложность, нарастающую в необратимом времени, с чем постоянно сталкиваются как человеческий разум, так и программный код. Если общий интеллект — нечто большее, чем метафора, то ограничение транзитивности и неконтролируемая сложность должны стать его неотъемлемыми свойствами.

Общество с гетерархической структурой всегда является общим интеллектом, поскольку самоорганизуется в необратимом времени через объединение гетерогенных отношений. Машины и средства массовой информации ускоряют коммуникацию, делая ее более видимой и частично вычислимой, но они не заменяют и не воспроизводят ее самостоятельно, поскольку для них, в отличие от людей, она не имеет смысла. Конечно, действия людей и организаций ограничены их целями и функциями, но в отличие от машин они сами принимают решения.

Множественная структура гетерархии обладает способностью приобретать опыт и совершать автоматические действия, но не может быть использована в качестве модели институциональной организации. Контроль и вариации имеют один и тот же источник: иерархии отношений распространяются в гетерархии, в то время как сети являются инструментом распространения. Наряду с методами контроля общий интеллект производит методы освобождения, которые приходят с новыми ограничениями. Разрушая промышленные институты, сетевая организация принесла новые иерархии контроля в цифровой среде. Этот процесс необратим и лишь частично управляем: процессы и композиция топологического распределения сингулярностей изменчивы, а самоорганизация множества всегда будет оставаться экстериторной по отношению к любому социальному порядку.

1. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013.
2. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.
3. *Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008.
4. *Тард Г.* Законы подражания. М., 2011.
5. *Badiou A.* Beyond Formalization: An Interview / trans. by Bruno Bosteels and Alberto Toscano // *Angelaki* 8. 2003. № 2, Aug.
6. *Balibar E.* Spinoza and Politics. L.; N. Y., 2008.
7. *Balibar E.* Spinoza, the Anti-Orwell: the Fear of the Masses. N. Y., 1993.
8. *Burt R.* Structural Holes. Cambridge, 1992.
9. *Delanda M.* A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity. L., 2006.
10. *Delanda M.* Philosophy & Simulation: The Emergence of Synthetic Reason. Bloomsbury Academic, 2011.
11. *Goldammer E.* Von et al., Heterarchy — Hierarchy, in Vordenker. Webforum for Innovative Approaches // Sciences, Economy and Culture. 2003 [Electronic resource]. URL: http://www.vordenker.de/heterarchy/a_heterarchy-e.pdf (accessed: 20.03.2018).
12. *Lazzarato M., Negri A.* Travail immateriel and subjectivite // *Futur Antérieur*. 1991. № 6.
13. *Matheron A.* The Theoretical Function of Democracy in Spinoza and Hobbes, in *The New Spinoza*, edited by Warren Montag, Ted Stolze. Minneapolis, 1997.
14. *McCulloch W. S.* A Heterarchy of Values Determined by the Topology of Nervous Sets // *Bulletin of Mathematical Biophysics*. 1945. № 7.
15. *Negri A.* Approximations towards an ontological definition of the multitude, 2002 [Electronic resource]. URL: <http://www.generation-online.org/t/approximations.htm> (accessed: 20.03.2018).
16. *Negri A., Hardt M.* Commonwealth. Cambridge, 2009.
17. *Negri A.* Time for Revolution. N. Y., 2003.
18. *Laclau E.* On Populist Reason. L., 2005.
19. *Pasquinelli M.* Italian Operaismo and the Information Machine // *Theory, Culture & Society*. 2015. Vol. 32(3). P. 49–68.
20. *Pasquinelli M.* Google's PageRank Algorithm: A Diagram of the Cognitive Capitalism and the Rentier of the Common Intellect, in *Deep Search: The Politics of Search Beyond Google*, ed. by Konrad Becker and Felix Stalder. L., 2009.
21. *Thacker E.* Networks, Swarms, Multitudes // *Communication Theory*. 5/18/2004 [Electronic resource]. URL: <http://www.cttheory.net/articles.aspx?id=422>, <http://www.cttheory.net/articles.aspx?id=423> (accessed: 20.03.2018).
22. *Terranova T.* Attention, Economy and the Brain // *Culture Machine*. 2012. № 13.
23. *Wolfe C.* The Social Brain: a Spinozist Reconstruction, in *Proceedings of ASCS* / ed. by Christensen W., Schier E., Sutton J., 2010.
24. *Verscellone C.* From Formal Subsumption to General Intellect: Elements for a Marxist Reading of the Thesis of Cognitive Capitalism, Historical Materialism // Brill Academic Publishers. 2007. № 15(1).

Рукопись поступила в редакцию 23 марта 2018 г.